

Джулия Шес

Иллюзия свободы

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Джулия Шес

Иллюзия свободы

<https://litres.ru/74209262>

SelfPub; 2026

Аннотация

У Зои Уэллс есть всё, о чём можно мечтать: безупречная репутация, богатые родители и идеальный парень, чьё имя в обществе неприкасаемо. Она была уверена, что её будущее просчитано наперед, пока в этот идеальный мир не ворвался Джейсон. Прошлые обиды и школьные шрамы превратили некогда беззащитного парня в опасного игрока, который знает о местных аристократах то, что они предпочли бы похоронить навсегда.

От любви до ненависти — всего один шаг. Но сделать его чертовски страшно, когда вокруг плетутся интриги, а цена ошибки слишком высока. Зои придется балансировать на грани чувств и здравого смысла, пытаясь выжить в паутине лжи, где самый близкий человек может оказаться главным врагом, а заклятый враг — единственным, кому можно доверять.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	21
Глава 3	48
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Джулия Шес

Иллюзия свободы

Глава 1

«Стеклянный рай»

Я сижу на полу чужой кухни, завернувшись в чужое одеяло, и прямо руками уничтожаю чужой, но абсолютно умопомрачительный шоколадный торт. Понятия не имею, что за праздник у парня, с которым я сегодня проснулась, но, надеюсь, он меня простит. Потому что, если прямо сейчас в меня не попадёт убойная доза сахара, боюсь, этой шикарной заднице, оставшейся в спальне, жутко не повезёт.

Когда у меня падает уровень глюкозы или я просто не в духе, мой внутренний дипломат совершает харакири. Я превращаюсь в ходячую катастрофу и могу наговорить столько изощрённых гадостей, что люди потом годами лечат психотравмы. Так что этот торт — не преступление, это мера по спасению его ментального здоровья. К тому же, думаю, мы квиты. В конце концов, он всю ночь наслаждался десертом ничуть не хуже.

Я как раз заталкиваю в себя третий кусок этого убийцы фигуры и самозабвенно облизываю пальцы, когда в коридоре раздаются шаги.

— Выглядит как сцена из плохого кино, — вдруг слышу голос сверху.

Парень останавливается в дверном проёме. Из одежды на нём — только полотенце на бёдрах, которое держится исключительно на честном слове и моём честном энтузиазме. Капли с коротких мокрых волос соскальзывают прямо на рельефную грудь с небольшой татуировкой и скатываются по кубикам пресса.

Откуда вчера вообще взялся этот греческий бог — загадка. Раньше я его в наших краях точно не видела, но почему-то его лицо кажется до ужаса знакомым. Будто я видела его на каком-то плакате... или в криминальной хронике. Ладно, разберёмся позже.

— Ты так и будешь сидеть на полу, облизывать пальцы и разглядывать меня? — Он подходит ближе, упирается ладонью в столешницу прямо над моей головой и слегка наклоняется.

Его утреннее, крайне «приподнятое настроение» оказывается прямо на уровне моих глаз. Одеяло на моих плечах внезапно кажется слишком жарким.

— А ты так и будешь стоять и тыкать мне в лицо своим стояком? — парирую я, даже не думая отводить взгляд.

— Ночью тебя не особо смущало, что он находился гораздо ближе к твоему лицу, — усмехается этот наглец, и в его глазах вспыхивают совершенно недвусмысленные искры.

— Ночью я была увлечена процессом, — я демонстратив-

но отправляю в рот очередную порцию шоколадного крема прямо с пальца. — А при свете дня я предпочитаю, чтобы со мной сначала поздоровались.

Он тихо смеётся — этот низкий, бархатный звук заставляет пальцы на ногах поджать ткань одеяла. Полотенце на его бёдрах совершает ещё одно многообещающее движение вниз, и из-под края ткани, прямо на лобке, вызывающе появляется татуировка «*Fuck*».

Эта надпись, притаившаяся у самой границы дозволенного, выглядит чертовски порочно, смело и сексуально. Я понимаю, что этот парень — сплошная неприятность, но именно в эту секунду мне отчаянно хочется в эти неприятности ввязаться.

Я медленно перевожу взгляд с букв на его лицо, сжимая в испачканных пальцах кусок бисквита. Напускное равнодушие трещит по швам, но сдаваться без боя я не собираюсь.

— Весьма исчерпывающе, — я приподнимаю бровь, стараясь, чтобы голос не дрогнул от того, насколько близко он сейчас стоит. — Многое объясняет. Например, твоё гостеприимство.

— Считай, что гостеприимство — мой главный конёк, — почти шёпотом говорит он, сокращая дистанцию до пары сантиметров. Он смотрит на меня потемневшими глазами, и воздух между нами сгущается до предела. — Но за него нужно платить.

От его близости у меня перехватывает дыхание, я подаюсь

чуть вперёд, готовая к поцелую... но вместо этого он делает эффектный жест фокусника, поднимая руку. В его длинных пальцах зажат мой смартфон, который назойливо вибрирует.

— Я бы с удовольствием взял плату прямо сейчас, но твой мобильный разрывается уже минуты три. Кто такой этот «Не брать»? Так сильно скучает?

Я замираю, глядя на светящийся экран. Имя контакта расплывается перед глазами. «Не брать». Тот, кого я люблю до безумия, до крика, до этих чёртовых слёз, которые я сейчас пытаюсь сморгнуть. Неделя тишины — и он звонит именно сейчас, когда я сижу на полу в квартире парня, чьего имени я даже не помню.

Забираю телефон из рук парня, пачкая экран остатками крема, и поднимаю на него пустой взгляд.

— Спасибо, — тихо говорю я, и вся моя дерзость тут же растворяется. — Мне пора.

Я вскакиваю с пола и почти влетаю в спальню, на ходу сбрасывая одеяло. Руки мелко дрожат, когда натягиваю своё вчерашнее оружие массового поражения — ультракороткое красное платье на тонких лямках, с глубоким декольте. На-спех обуваю высокие белые конверсы, даже не пытаюсь завязать шнурки — просто заталкиваю концы внутрь.

Парень молча наблюдает за этим хаосом, прислонившись к дверному косяку. Он уже без полотенца — успел натянуть серые спортивные штаны.

— Звонит парень, из-за которого ты вчера глушила теки-

лу?

Я резко оборачиваюсь. Чёрт. Так я вчера ещё и душу ему излить успела? Худшее утро в жизни.

— Я не должна была приходить. Это всё было ошибкой.

Он делает шаг в комнату и подходит со спины. Я внутренне сжимаюсь, ожидая, что он разозлится или упрекнёт меня, но он лишь аккуратно поправляет перекрутившуюся лямку моего платья на плече. Его пальцы на секунду задерживаются на моей коже, оставляя тёплый, почти обжигающий след.

— Ошибкой так ошибкой, — спокойно соглашается он.

— Но давай я тебя хотя бы отвезу.

Зачем он такой хороший? Мне было бы гораздо легче, если бы он оказался наглым придурком. Но ведь вчера мы оба понимали, что это всё на одну ночь, и нет смысла расстраиваться из-за того, что утро разбило иллюзии.

— Спасибо, но я уже вызвала такси, оно подъезжает, — я качаю головой, закрывая приложение в телефоне и перекидывая сумку через плечо.

— Ладно, как хочешь, — слышу его слова уже со спины.

Я быстро иду по коридору, парень следует за мной. Но когда я берусь за ручку и открываю входную дверь, он мягко перехватывает меня за локоть.

— Стой, — удерживает он меня на месте.

Я оборачиваюсь, готовая выдать очередную защитную колкость, но все слова застревают в горле. Мой случайный знакомый протягивает мне прохладную бутылку воды.

— На, держи, — он тепло, едва заметно ухмыляется. — У тебя на лице написаны все улики кондитерского преступления.

Прежде чем я успеваю что-то сообразить, парень придвигается ближе и подушечкой большого пальца очень бережно стирает застывший след крема у уголка моих губ. От этого простого прикосновения у меня перехватывает дыхание, а к горлу подступает тяжёлый ком.

— Спасибо за торт, — тихо выдавливаю я, окончательно растеряв всю свою напускную дерзость.

— Всё нормально, — он мягко отпускает мой локоть и делает шаг назад. — Береги себя.

Я захлопываю дверь, и стремительно спускаюсь на бесшумном скоростном лифте, выскакиваю в просторный, залитый утренним светом холл элитного жилого комплекса и замираю у панорамных стеклянных дверей лобби.

Нервно дёргаю молнию сумочки, наощупь выуживаю оттуда помятый блистер и прямо ногтем выдавливаю на ладонь две маленькие белые таблетки. Срываю крышку с бутылки, которую он мне дал, и жадно, в несколько глотков запиваю их.

Такси приезжает почти мгновенно — чёрный премиальный Мерседес застывает у дверей лобби в ту секунду, когда я прячу таблетки в сумку. Водитель в безупречном костюме и белоснежной рубашке тут же выходит из салона, обходит машину и с идеальной выправкой открывает передо мной зад-

ную дверь.

Я аккуратно сажусь на безупречное кожаное сиденье, бережно поправляя подол алого платья, и машина плавно трогается с места. Навигатор на панели водителя начинает уныло пищать, тщетно пытаясь проложить маршрут до конечной точки.

— Девушка, тут накладка, — мужчина вежливо и деликатно кашляет, глядя на меня через зеркало заднего вида. — Карта не видит ваш адрес. Показывает, что там глухой лес, заповедная зона.

— Всё правильно, так и должно быть, — глухо отзываюсь я, прижимаясь лбом к холодному стеклу. — Вбейте просто «Лейквуд». Довезете меня до черты заповедника, а там я сама покажу, где повернуть у ворот. Территория закрытая, въезда на общих картах нет.

Водитель молча кивает и перестраивается в левый ряд.

Лейквуд. Обожаемый, элитарный и безупречный до тошноты. Огромное озеро, вековые сосны, идеальные дорожки и глухой забор от остального мира. Мы обосновались здесь, когда я пошла в старшую школу — как раз после того, как отец взял свой очередной титул абсолютного чемпиона мира по боксу, сколотив на этом баснословное состояние.

В каком-то смысле наша семья идеально вписалась в местный ландшафт, хотя папа со своими сломанными ушными хрящами и тяжёлым взглядом напрочь ломал здешний стереотип о холёных аристократах. В Лейквуде обитала наслед-

ственная элита: потомственные банкиры, владельцы транснациональных корпораций и юристы, чьи фамилии передавались вместе с акциями. Они строили классические виллы с панорамным остеклением и чинно играли в гольф по выходным. Мой отец же выстроил brutальный, монолитный особняк из тёмного камня, больше похожий на неприступный бункер, и в первый же месяц недалеко купил фитнес зал, установив там боксёрский ринг.

Но Лейквуду было плевать на происхождение капиталов, пока у тебя хватало нулей на то, чтобы оплачивать эту оглушительную приватность. Посёлок принимал любого, кто мог позволить себе роскошь быть недостижимым. Здесь действовал свой, негласный кодекс тишины: соседи улыбались друг другу при встрече, но никогда не лезли в чужие дела. За высокими, идеально подстриженными туями скрывались не просто бассейны и теннисные корты, а тщательно замаскированные драмы. Лейквуд умел хранить секреты — в этом он был чертовски похож на моего отца, который всегда учил меня: «Что произошло на ринге, остаётся на ринге. Никогда не показывай сопернику, что тебе больно».

И я научилась. Фасад нашего дома всегда выглядел безупречно, точно так же, как и наши с Купером отношения для всех остальных жителей посёлка. Мы были идеальной парой из золотой молодёжи, но сегодня, глядя через тонированное стекло Мерседеса на приближающиеся вековые сосны, я впервые понимала, что этот раунд я проиграла вчистую.

Мой личный безупречный мир готовился треснуть по швам, и никакой забор Лейквуда не смог бы удержать этот взрыв.

Мерседес плавно сбрасывает скорость и упирается в массивные кованые ворота, которые намертво перекрывают въезд в Лейквуд. За ними, сколько хватает взгляда, тянется безупречная, стрелой уходящая вдаль асфальтовая дорога, зажатая между вековыми соснами. По обе стороны от ворот — глухой трёхметровый забор, оснащённый лазерными датчиками движения и камерами с углом обзора в триста шестьдесят градусов. Посёлок-призрак. Заповедник для тех, кто купил себе право исчезнуть с радаров.

Справа от ворот возвышается монолитный КПП из зеркального стекла. Никаких сонных охранников в мятой форме — безопасность Лейквуда обеспечивает профессиональная военизированная служба.

Водитель такси опускает стекло, и к машине тут же подходит мужчина в идеальном чёрном тактическом костюме. На груди — лаконичный логотип охранного агентства, в ухе — едва заметный микронаушник, а на поясе — кобура с боевым Глоком. В Лейквуде не играют в безопасность, здесь её гарантируют.

— Доброе утро. Закрытая территория. Сюда проезд запрещён, — ровным, лишённым каких-либо эмоций голосом произносит охранник, даже не глядя на водителя. Его сканирующий взгляд сразу перемещается на тонированное заднее стекло.

Я опускаю боковое стекло со своей стороны и устало выдыхаю: — Привет, Саймон. Это я.

Охранник мгновенно меняется в лице — профессиональная настороженность уступает место вежливой, почтительной улыбке. Он знает в лицо каждого члена семьи абсолютного чемпиона мира. Мой отец платит этой конторе слишком много, чтобы они допускали ошибки.

— Доброе утро, мисс Уэллс, — Саймон слегка склоняет голову. — Зарегистрировать машину сопровождения?

— Нет, не нужно. Погода прекрасная, я пройду пешком.

На самом деле мне просто отчаянно нужно выиграть время. Пару сотен метров пешком под соснами — это моя последняя легальная отсрочка. Я физически, на каком-то животном уровне ещё не готова столкнуться с реальностью, которая ждёт меня за поворотом к дому. Мне нужно хотя бы пять минут, чтобы соскоблить с себя остатки похмельного тумана, взять под контроль дыхание и окончательно запереть себя в ментальную клетку идеальности.

— Как прикажете.

Таксист, сориентировавшись в ситуации, тут же глушит мотор, выходит из салона и с привычной люксовой выправкой открывает передо мной заднюю дверь.

Я замираю на долю секунды, чувствуя, как к горлу подступает паника, а потом аккуратно выхожу на чистый асфальт, судорожно придерживая подол короткого красного платья. Боже, только бы меня никто не увидел. Я никогда так не хо-

дила — помятая, небрежная, с дурацким хаосом на ногах.

Меня буквально выворачивает от этой неопрятности. Волосы растрепались и спутались после сна, зубы не чищены, а на языке всё ещё горит безумный коктейль из шоколадного торта и текилы. Белые конверсы со спрятанными внутри концами шнурков на фоне этого стерильного шика смотрятся не просто дико, они кричат о моей катастрофе. Хочется провалиться сквозь землю, лишь бы не чувствовать себя такой грязной посреди этого вылизанного рая.

Саймон прикладывает руку к биометрическому сканеру на узкой боковой калитке. Раздаётся глухой тихий щелчок, и тяжёлая стальная дверь приоткрывается, впуская меня внутрь.

— Хорошего дня, — бросает он мне вслед, когда я переступаю черту.

Калитка за моей спиной захлопывается, отрезая меня от внешнего мира. и я остаюсь одна на идеальной дорожке Лейквуда. Вокруг оглушительно поют птицы, пахнет хвоей и мокрой травой после утреннего полива. Дорога плавно огибает вековые деревья и уходит в сторону озера, от которого недалеко стоит наш дом и дом Купера.

Я делаю всего пару шагов вперед, и тут меня резко накрывает. Внутри всё так сильно закручивается в тугий узел, что дыхание перехватывает, а колени предательски подкашиваются. Взгляд падает вниз, на мои белые кроссовки с небрежно затолканными внутрь концами шнурков. Этот мимолёт-

ный хаос на ногах внезапно начинает душить меня сильнее, чем похмелье.

Я резко опускаюсь на корточки прямо посреди безупречного, влажного от полива асфальта. Руки мелко, судорожно дрожат, когда я выдергиваю шнурки наружу. Пальцы не слушаются, путаются в белых нитях, но я упрямо, почти яростно затягиваю их. Методично, миллиметр за миллиметром, завязываю два идеально ровных, тугих банта, расправляя язычки кроссовок.

В ушах на секунду фантомно проносится хриплый, вкрадчивый голос Купера: *«Детка, твои шнурки развязаны. Ну что за небрежность, соберись»*. Он всегда замечает такие мелочи. Абсолютно всегда. Стоит мне хоть на йоту дать слабину, забыть про осанку или позволить волосам растрепаться, как в его глазах вспыхивает это странное, ревностное недовольство. Он ведь так гордится тем, какая я безупречная. Моя идеальность — это его любимый трофей, и я просто не могу его разочаровать. Особенно сейчас.

Мы с Купером столкнулись лбами в первый же день, как моя семья въехала в этот закрытый рай. Девятый класс, старшая школа, амбиции, бьющие через край. Он был местным принцем, сыном известного пластического хирурга в каком-то там поколении, чья династия десятилетиями перекраивала лица всей столичной элите. Купер привык к тому, что мир вокруг него вращается по правилам идеальных пропорций, а на безупречность у его семьи был буквально намё-

тан глаз. Я же была дочерью боксёра — ходячим вызовом их утончённому снобизму, девчонкой, которая не умела пасовать перед авторитетами и маниакально держала лицо в любой ситуации.

Наша первая встреча закончилась взаимными проклятиями прямо у кромки озера. Я тогда случайно плеснула вишневым соком на его белоснежные, коллекционные кроссовки, а этот напыщенный индюк высокомерно отчеканил, что моё дворовое воспитание годится только для обычной районной школы, а не в приличного общества. Мы орали так, что птицы с сосен взлетали, но уже через две недели мы не могли дышать друг без друга. В его яростном желании подчинить меня своему представлению о прекрасном и моей гордой попытке выстоять было столько дикого, болезненного притяжения, что оно затянуло нас обоих как в воронку. С тех пор Купер занялся мной — бережно, но чертовски настойчиво, отсекая всё лишнее, вроде моих резких жестов и дурацких привычек девчонки из пригорода. Он учил меня правильной осанке, манерам на благотворительных ужинах, подсказывал, как говорить. Мне казалось невероятным везением, что парень из семьи с такой родословной тратит время, чтобы сделать из меня настоящую леди. Я буквально впитывала это, уверенная, что становлюсь лучшей версией себя ради нашего общего будущего.

Конечно, наши отношения никогда не были гладкими — мы ссорились часто, громко и ожесточённо. Наши эго то и

дело сталкивались, и мы могли разнести всё в щепки из-за пустяка, неосторожного слова или вспышки глупой ревности. Но при всей этой взрывоопасности между нами существовало одно священное, незыблемое правило, которое мы никогда не нарушали. Мы не изменяли друг другу. Ни разу. Для нас обоих это было вопросом личной чести и абсолютной преданности — нашей единственной твёрдой гарантией того, что мы вместе до самого конца.

До вчерашней ночи.

Я судорожно сжимаю в кулаке цепочку от сумочки, заставляя себя переступать ногами как можно быстрее. Металл больно врезается в ладонь, оставляя на коже глубокие багровые следы, но я этого даже не замечаю — весь мой мир сейчас сузился до размеров этой дорожки. Мой дом уже совсем близко. Слава богу, окна Купера плотно зашторены, и на его веранде пусто. Буквально взлетев по ступенькам, я тихонько толкаю массивную входную дверь и шмыгаю в прохладный холл, пахнущий кондиционером и дорогим домашним парфюмом.

— Дорогая? Это ты? — из глубины гостиной раздаётся мягкий голос мамы.

Я вздрагиваю, резко разжимая кулак, и цепочка сумочки с тихим звоном падает на пол. Из-за кухонного острова с чашкой дымящегося чая выходит мама. На ней уютный, но безупречно отглаженный кашемировый кардиган пастельного оттенка, волосы перехвачены элегантной заколкой, а на

лице светится тёплая улыбка. Она искренне рада меня видеть, она любит меня до безумия — я знаю это, но стоит ей подойти ближе, как её взгляд меняется. Её глаза ласково, но с какой-то въевшейся привычкой сканируют меня сверху вниз, а улыбка на мгновение застывает.

— Ох, солнышко... — тихо и как-то жалобно произносит она, подходя и аккуратно, кончиками пальцев касаясь моих спутавшихся волос. — Что с твоей причёской? И платье... Боже, оно так помялось. Ты всю ночь в нём спала?

Мама так отчаянно пытается стать своей в этом вылизанном раю, так боится косых взглядов соседей и того, что кто-то подумает, будто мы не заслужили здесь быть.

— Мам, я просто... — начинаю я, но она мягко перебивает меня, принимаясь заботливо, но настойчиво расправлять складки ткани на моей юбке.

— Милая, ну нельзя же так, — шепчет она, и в её глазах читается неподдельный испуг. — Женщина всегда, в любую секунду должна выглядеть безупречно. Посмотри на маму Купера. Разве она позволила бы себе выйти к завтраку в таком виде? А если бы Купер тебя встретил? Или его отец? Нашему отцу и так непросто здесь... Мы не можем его подводить, понимаешь? Мы должны соответствовать.

Внутри меня всё горит от паники — мы переступили черту, предали и разрушили друг друга с Купером, но маму это не волнует. Точнее, ей даже в голову не приходит спросить, где я была, почему у меня такой потрёпанный и потерянный

вид и всё ли со мной в порядке. Её волнует только то, что причёска помялась и то, что о нас подумают.

— Живо беги наверх, — мама целует меня в щеку, попутно едва заметно втягивая носом воздух, но тут же деликатно делая вид, что не почувствовала запах текилы. — Прими душ, переоденься во что-то свежее и почисти зубы, пока отец не спустился к завтраку.

Я послушно плетусь наверх, стараясь не выдать дрожь в коленях. Оказавшись в своей комнате, я закрываю дверь и лицом к лицу сталкиваюсь со своим отражением в огромном зеркале в полный рост. То, что увидела мама — лишь верхушка айсберга.

Из зеркала на меня глядит незнакомка с дикими, напуганными глазами. На моей коже — чужой, слишком резкий шлейф одеколона, а на плечах и бёдрах до сих пор покалывает фантомное тепло чужих рук. Эти прикосновения кажутся грязными, обжигающими. Мне физически плохо от мысли, что они были, и хочется немедленно забраться под горячую воду и тереть себя мочалкой, пока они не исчезнут.

Взгляд опускается ниже. Красное платье. Купер как-то просил меня не надевать его — мягко, но упрямо качал головой, говоря, что оно всё-таки чересчур короткое для вечеринки и он просто замучается ревновать меня к каждому столбу. А я ведь ещё вчера, вот точно так же крутюсь перед этим зеркалом и с трудом затягивая молнию на спине, задыхалась от дурацкого азарта.

Вчерашнее утро было концом самой длинной недели в моей жизни. Мы поссорились, и Купер не звонил мне целых семь дней. Семь бесконечных дней гробовой тишины. Для нас это был абсолютный рекорд — мы никогда, вообще никогда не расставались так надолго. К субботе я успела накрутить себя до такой степени, что была искренне уверена: всё кончено, он больше не вернётся.

И это платье должно было стать моим секретным оружием, криком отчаяния. Я была абсолютно, глупо счастлива от мысли, что похулиганю и надену его назло. Я была уверена, что стоит мне выложить фото в инстаграм, как Купер тут же сорвётся, наберёт мой номер и потребует немедленно вернуться домой. Я так отчаянно ждала этого звонка.

Кто же знал, чем обернётся моя попытка его вернуть...

Глава 2

«Разбитые иллюзии»

Вчера. Суббота. 19:00.

— Напомни мне, почему мы до сих пор не выехали в город, а чахнем в этой комнате? — Вирджиния рухнула на мою идеально заправленную кровать, раскинув руки в стороны. Её тёмные кудри растрепались по покрывалу, а в карих глазах прыгали чертенята.

Я стояла перед зеркалом, прижимая к себе вешалку с ало-красным шёлковым платьем на тонких лямках, и прикусывала губу.

В отражении — привычная я: безупречная укладка, чистая фарфоровая кожа и подведённые голубые глаза платиновой блондинки, в которых сейчас застыл нахальный взгляд. За окном Лейквуд медленно погружался в густые сиреневые сумерки. Подумать только: завтра воскресенье, а уже в понедельник начинается финишная прямая — выпускной курс колледжа. И мы просто обязаны были перед этим оторваться.

— Потому что до закрытой тусовки ещё целый час, — отозвалась я, прикладывая платье к телу и оценивая длину. — И мы должны зажечь на полную катушку. Это ведь наши последние свободные каникулы, понимаешь? Нужно проводить это лето так, чтобы воспоминаний о нём нам хватило

на всю оставшуюся взрослую, скучную жизнь.

— О-о-о, — многозначительно протянула Вирджиния, приподнимаясь на локтях и хитро прищуриваясь. — План отличный, Уэллс. Уже вижу заголовки завтрашних сплетен в социальных сетях. Но главный вопрос в другом... Ты реально пойдёшь в этом? Купер же увидит. Он разве не просил тебя держаться подальше от вещей, которые едва прикрывают твою задницу?

При упоминании его имени в груди привычно и болезненно потянуло. Семь дней. Семь дней этот придурок испытывал мои нервы на прочность своим молчанием после нашей дурацкой ссоры. Это был наш абсолютный, треклятый рекорд — мы никогда, вообще никогда не расставались так надолго. К субботе я накрутила себя до такой степени, что была искренне уверена: всё кончено, он больше не вернётся. И всё же крошечная искра надежды ещё теплилась где-то внутри. Ему просто нужно было дать правильный толчок.

— Купер просил не надевать его, — я закатила глаза, вспоминая его вкрадчивый, настойчивый тон, и решительно сбросила вешалку на кресло. — Но, во-первых, мы в ссоре уже неделю, а во-вторых, он сегодня точно позвонит. Можешь даже не сомневаться.

— Откуда такая уверенность?

— Из интернета, дорогая, — я победоносно улыбнулась своему отражению, аккуратно просовывая руки в тонкие лямки. Шёлк прохладной волной скользнул по бёдрам, обле-

гая фигуру как вторая кожа. — Это платье — мой крик отчаяния. Стоит мне выложить в сторис пару кадров в этом алом безумии, как его хвалёное самообладание взлетит на воздух. Я знаю Купера. Он сорвётся. Наберёт мой номер сразу же, как увидит фото, и потребует немедленно вернуться домой. Я так отчаянно ждала этого звонка всю неделю, что готова на этот дурацкий шантаж.

Я повернулась боком, с трудом затягивая молнию на спине. Зубчики подло застряли где-то посередине, и мне пришлось глубоко выдохнуть, втягивая живот. Чёрт. Кажется, за эту неделю на нервной почве и пище я всё-таки набрала пару килограммов — платье застёгивалось с трудом, слишком туго стягивая рёбра. Ткань опасно натянулась на бёдрах, из-за чего подол подскочил ещё выше.

Оно действительно было экстремально коротким — при каждом шаге вызывая приподнималось, открывая длинные ноги. Настоящее оружие массового поражения. Кокетливый бунт влюблённой девчонки, которая просто слишком сильно соскучилась по своему парню и отчаянно хотела посмотреть, как вспыхнут его глаза, когда он её увидит. Даже если сначала он немного разозлится.

— Ладно, это выглядит чертовски горячо и максимально опасно, — Джинни присвистнула, поднимаясь с кровати и подмигивая мне. — Хватай туфли, сумочку и погнажи. Если Купер и правда сойдёт с ума от ревности, я обещаю поддерживать твою сумочку, пока ты будешь выслушивать его капи-

туляцию. Сегодня мы пьём текилу и танцуем так, будто понедельника не существует!

Я весело рассмеялась, закидывая на плечо цепочку небольшой сумочки, но вместо того, чтобы двинуться к рядам холёных дизайнерских лодочек на шпильках, решительно направилась в дальний угол гардеробной.

— Никаких туфель, Джинни, — хмыкнула я, доставая из брендовой коробки белоснежные, ещё пахнущие фабричным глянцем высокие конверсы из лимитированной коллекции.

— Ты серьёзно? — подруга демонстративно округлила глаза, поправляя ремешок на своих безупречных двенадцатисантиметровых босоножках Saint Laurent. — Уэллс, нас не поймут. Мы идём в закрытый клуб, там соберётся весь Лейквуд. Твоя мама упадёт в обморок, если узнает, а Купер...

— А Купера здесь нет, — отрезала я, опускаясь на пуфик.

Это было чистой правдой. В высшем обществе, где нас с мамой заставляли дышать по протоколу, я маниакально держала марку. Но стоило маме или Куперу исчезнуть с радаров, как мой внутренний бунтарь вырывался наружу. Я обожала эти маленькие преступления против дресс-кода: сочетать дорогой шёлк со спортивной обувью и нарушать дурацкие правила элиты, который мерила статус высотой каблука.

И всё же, несмотря на этот маленький бунт, вытравить из себя маниакальное желание быть идеальной я не могла. Это было уже на уровне рефлексов.

Я обула кеды и методично, миллиметр за миллиметром, затянула белоснежные шнурки. Собрала их в тугие, идеально ровные банты, тщательно расправила язычки и убедилась, что ни одна деталь не выглядит небрежно.

— Считаю это моим секретным кодом для Купера. Он терпеть не может, когда я нарушаю его правила, — я бросила на подругу победный взгляд, поправляя подол алого шёлка. — Погнали, Джинни. Пора выманивать нашего принца.

Мы бросили последний взгляд в зеркало, погасили свет и вихрем поспешили вниз, к выходу.

До того момента, как стрелки часов пробьют девять утра следующего дня, а я, бледная и напуганная, буду судорожно сжимать цепочку сумочки в кулаке, прокрадываясь в собственный дом и пытаюсь смыть с кожи фантомные прикосновения незнакомца, оставалось ровно четырнадцать часов.

Мы приехали в клуб на машине Джинни — её личный водитель доставил нас прямо к дверям «Оникса». Садиться за руль самостоятельно никто из нас не рискнул, поскольку обе планировали пить, а светиться перед копами Риверсайда в нетрезвом виде не входило в планы. И пусть вся местная полиция прекрасно знала, чьи мы детишки, лишний раз звонить родителям и просить их уладить вопрос с очередным патрульным не хотелось. К тому же моё воспитание просто не позволило бы мне так грубо пойти против закона.

Когда водитель аккуратно припарковал сверкающий чёрный автомобиль у входа, на парковке перед самым пафос-

ным закрытым заведением в округе уже выстроилась солидная вереница глянцевого премиум-класса. Наше появление выглядело максимально органично.

«Оникс» располагался в отреставрированном здании старой мануфактуры неподалёку от университетского кампуса. Из его массивных дверей вырывался тяжёлый бас, сотрясая кирпичные стены. На эту прощальную вечеринку лета пускали строго по пропускам, но контингент здесь был чуть шире, чем на унылых благотворительных вечерах моей матери. Помимо холёных мажориков из Лейквуда, чьи громкие фамилии красовались на фасадах учебных корпусов, здесь тусовалась вся золотая молодёжь штата: дети успешных рестораторов, молодые стартаперы, модные блогеры и просто ребята с очень большими кошельками.

Купера здесь не было и сегодня точно не предвиделось. Его отец утащил сына на очередную «судьбоносную» светскую встречу в Бостон — торговать лицом перед нужными людьми и инвесторами. Как всегда — невероятно важно и безумно скучно.

— Так, план такой, — Джинни перекрикивала гул толпы, едва мы прошли фейсконтроль и ворвались в полумрак главного зала, залитого фиолетовым и алым неоном. — Сначала к барной стойке. Мне срочно нужен лонг-айленд, иначе я сломаю ноги на этих шпильках прямо на входе.

Барная стойка из чёрного мрамора тянулась вдоль всей стены, подсвеченная изнутри мягким неоновым сиянием.

Мы пробивались к ней сквозь плотную толпу, попутно обмениваясь поцелуями в щёку и дежурными улыбками со знакомыми из колледжа.

— Привет, Зои! Шикарно выглядишь! — крикнул кто-то из парней с футбольной сборной, салютуя мне бокалом.

— О боже, Зои, платье — отвал всего! — пропищала пробегающая мимо девушка, которую я видела впервые в жизни. Но меня она, очевидно, знала, как и половина этого города.

Быть дочерью человека, чьё имя вписано золотыми буквами в историю мирового бокса и чьи бои собирали стадионы, означало родиться с пожизненным абонементом на узнаваемость. В Риверсайде моя приватность заканчивалась там, где начинался забор Лейквуда, так что я лишь вежливо кивнула незнакомке вслед и даже не попыталась узнать её имя.

Наконец мы с Джинни оперлись о прохладный мрамор барной стойки. Пока подруга отчаянно высматривала бармена, я почувствовала на себе чей-то слишком пристальный, оценивающий взгляд. Обернувшись, я увидела парня через два стула от нас. Симпатичный. Из тех, кто привык получать всё по первому щелчку пальцев.

Он плавно пересел на соседний стул, бесцеремонно проигнорировав Джинни, и обвёл меня медленным взглядом с ног до головы, задержавшись на белоснежных кедах.

— Что пьёт девушка, которая пришла грабить этот клуб своим потрясающим внешним видом? Я Нейт. Угощаю.

— Привет, Нейт, — я улыбнулась самой вежливой из сво-

их фальшивых улыбок, которой меня с детства учила мама. — Для этого заведения ты слишком банально подкатываешь.

Нейт не смутился, наоборот — в его глазах вспыхнул азарт. Он явно вознамерился продолжить наступление и уже открыл рот, чтобы выдать очередную банальную фразу, но я хладнокровно его опередила:

— И сразу сэкономлю нам обоим время. Я девушка Купера Вэнса.

Эффект был мгновенным. Ухмылка Нейта тут же сползла, а в глазах промелькнула явная опаска. Фамилия Вэнс в наших краях работала быстрее любого спецназа — связываться с сыном такого влиятельного человека никто в здравом уме не хотел. Даже если прямо сейчас наши отношения с Купером трещали по швам и я, строго говоря, на данный момент не являлась его девушкой, официально об этом никто не знал.

— Оу, — Нейт примирительно поднял ладони вверх, медленно отступая назад. — Понял. Вопросов нет. Хорошего вечера.

Он тут же растворился в толпе, мгновенно растеряв всю свою спесь. Я мысленно усмехнулась этой иронии. Фамилия моей семьи, Уэллс, работала совсем иначе. Стоило кому-то узнать, что я дочь легендарного боксёра, как парни, наоборот, загорались диким интересом — статус «дочери легенды» манил всех искателей выгоды, красивой жизни и авторитета. Имя моего отца привлекало, а имя Купера служило

идеальным щитом, когда требовалось избавиться от лишнего внимания в один щелчок пальцев.

— Да уж, имя Купера действует как чеснок на вампиров, — хмыкнула Джинни, делая глоток из своего бокала. Она покосилась на мой телефон, лежащий на барной стойке. — И... что, до сих пор тишина? Никаких гневных тирад в СМС? — Полный штиль.

Купер умел играть на нервах как никто другой. Моё видео в сторис должно было заставить его набрать мой номер ещё полчаса назад, но он упорно игнорировал реальность. И это бесило сильнее всего, ведь я чётко видела его аккаунт в списке тех, кто уже посмотрел публикацию. Он видел меня. Он знал, где я, но никак не реагировал.

— О нет, мисс Уэллс, мы не позволим ему испортить нам вечер своим игнором, — Джинни решительно перехватила инициативу. Она потянула меня чуть в сторону от бара, туда, где фиолетовый и алый неон выгодно подчёркивал силуэт. — Срочно делаем полноценный пост. Твоё красное платье и белые кеды взорвут его ленту. Нам нужно фото, которое он просто не сможет пролистнуть.

Я поймала её игривый настрой. Слегка согнула ногу в колене, заставляя подол шёлкового платья задраться неприлично высоко и обнажить бедро, перехватила поудобнее бокал с ярко-алым коктейлем и посмотрела прямо в объектив — дерзко, с вызовом, словно смотрела на самого Купера. Щелчок камеры.

— Боже, Зои, это пожар, — Джинни повернула ко мне телефон, демонстрируя получившийся снимок.

— Выкладывай, — решительно кивнула я, забирая свой коктейль. — Без подписи. Он и так всё поймёт.

Не теряя времени, мы с Джинни нырнули вглубь зала, где собралась наша университетская банда и время потеряло счёт. Рекой лились ледяные коктейли, мы хохотали над какими-то глупостями и безобразно, до полного изнеможения танцевали под вспышками неона. Каждые полчаса я послушно вела репортаж своего «абсолютного счастья», швыряя в сторис новые смазанные кадры. У Купера точно задёргался бы глаз от моих диких танцев и этого демонстративного отрыва. Но он намеренно молчал, хотя его ник неизменно горел в списке просмотров.

Эта изнуряющая осада давила на мозги. В какой-то момент я резко вскочила из-за стола, чтобы сходить в уборную, но движения из-за выпитого алкоголя и нервного напряжения стали смазанными. Локтем я случайно зацепила полную бутылку пива, стоявшую на краю. Она с грохотом повалилась, и янтарная пена хлынула прямо на экран смартфона Брэда, который тот опрометчиво оставил на столе.

— Чёрт, Брэд, прости! — в панике выдохнула я.

Я тут же схватила салфетку, чтобы вытереть гаджет, но стоило экрану загореться от прикосновения, как я замерла. Мой взгляд впился в открытый чат в мессенджере. Наверху горело имя: *Купер Вэнс*.

Брэд докладывал ему обо мне. Прямо в этот момент, на экране светилось его последнее сообщение: *«Она уже хорошая, ушла в разнос»*.

— Зои, отдай, я сам! — Брэд дёрнулся вперёд, пытаясь забрать мобильный, но я резко отступила на шаг назад.

— Назад, Брэд, — процедила я.

Мой голос прозвучал настолько ледяным, резким и опасным, что парень даже отшатнулся, удивлённо вскинув брови. В моих глазах сейчас горела ярость отца перед решающим раундом, и Брэд благоразумно решил не лезть на рожон.

— Эта переписка обо мне, — чеканя каждое слово, добавила я. — И я имею полное право её прочитать.

Я опустила глаза к экрану. Ответ от Купера прилетел секунду назад. Никакого текста — только одна фотография, которая окончательно добила мою гордость.

Это было селфи. С экрана на меня смотрел чертовски привлекательный зеленоглазый блондин. Купер фоткал себя на палубе роскошной белоснежной яхты на фоне огней ночного Бостона. На нём была небрежно растёгнутая рубашка, а в руке — бокал с янтарным напитком. Но взбесило меня другое. На заднем плане, залитом подсветкой, на кожаных диванах сидели несколько длинноногих моделей в вызывающе откровенных купальниках. Они смеялись, пили шампанское и явно наслаждались этой закрытой вечеринкой.

Подпись Купера под фото гласила: *«Пусть развлекается. Мне тоже есть чем заняться.»*

Внутри меня словно бомба взорвалась. Мои пальцы так сильно сжали чужой телефон, что побелели костяшки, а к горлу подступила удушающая обида. Пока я тут из кожи вон лезла, пытаюсь задеть его своими сторис, Купер просто нанял себе карманного шпиона, а сам прекрасно проводил время в окружении полуголых красоток на яхте.

С презрением швырнув залитый пивом смартфон в грудь растерянному Брэду, я развернулась и, игнорируя крики Джинни, быстрыми шагами направилась прочь. Вечер был окончательно уничтожен.

Ярость, смешанная с алкоголем и жгучей обидой, гнала меня в сторону уборных. Ноги несли сами, пока перед глазами стоял этот проклятый снимок: яхта, Бостон, полуголые девицы и его идеальное, невозмутимое лицо. Наэлектризованная злостью, я шла напролом, грубо задевая плечами людей в толпе. Кто-то удивлённо оборачивался, кто-то возмущённо кричал вслед, но мне было плевать.

Очередная неоновая вспышка ослепила как раз на повороте в коридор, и в этот же миг на полной скорости случилось неизбежное — столкновение с кем-то, кто шёл навстречу. Удар оказался такой силы, словно в полёте пришлось влететь в каменную стену. В глазах мгновенно потемнело, дыхание перехватило, а равновесие было безвозвратно потеряно.

Я уже приготовилась к позорному падению на скользкий пол, как вдруг чьи-то сильные пальцы мёртвой хваткой схва-

тили меня за талию, рывком удерживая на ногах.

В то же мгновение я почувствовала, как на мою грудь выплеснулось что-то ледяное и липкое. Бокал в руке незнакомца дрогнул от столкновения, и остатки его тёмного коктейля смачным росчерком перечеркнули моё красное платье.

— Чёрт... — вырвалось у меня.

Я резко вскинула голову, готовая выдать порцию отборного гнева, но слова застряли в горле. Он стоял в полумраке коридора, окутанный шлейфом дорогого парфюма с нотами грейпфрута и волнующим морским аккордом. Высокий, широкоплечий, с ультракороткой, почти под ноль, стрижкой — тёмные волосы едва заметным жёстким ёжиком подчёркивали безупречные, словно высеченные из мрамора черты лица. Но больше всего меня поразили его глаза — пронзительные, холодные, цвета грозового неба.

Незнакомец удерживал меня вплотную к себе, и, судя по его абсолютно непроницаемому лицу, испорченный напиток и столкновение были последним, что его волновало. Он смотрел на меня сверху вниз — внимательно, цепко, с каким-то странным превосходством. Его пальцы всё ещё сжимали мою талию, и этот контраст между его ледяным спокойствием и моим бушующим пожаром внутри заставил меня на секунду забыть, как дышать.

— Отпусти, — буркнула я, пытаясь высвободиться. Напряжение зашкаливало, а расплывающееся на моём декольте мокрое пятно злило меня до хрипоты.

Он нехотя разжал пальцы, но даже не подумал сделать шаг назад, оставаясь стоять в опасной близости. Его серые глаза медленно скользнули вниз, изучая нанесённый ущерб — тёмные капли коктейля сочно выделились на бледной коже, стекая по шее прямо в ложбинку открытого выреза, пока шёлк платья быстро впитывал влагу.

— Катастрофа, — выдохнул он с ленивой, откровенной насмешкой. — Но вынужден признать: на тебе мой коктейль выглядит гораздо сексуальнее, чем в моём бокале.

— Рада, что раскрасила твою унылую жизнь, — ядовито улыбнулась я, даже не подумав прикрыться, — остатки злости на Купера внезапно переросли в какой-то дикий, безрассудный кураж. — Но если это твой фирменный способ знакомиться с девушками, то мимо. Нарциссы с дешёвыми подкатами — вообще не мой профиль.

— Вот как? — он засунул руки в карманы тёмных джинс, разглядывая меня сверху вниз. — Обычно девушки ведут себя чуть дружелюбнее, когда я на них обращаю внимание. Но твой скверный характер мне даже нравится.

— Искренне за тебя рада. А теперь дай пройти.

Я попыталась обойти его, рванув напролом, но он плавно перекрыл траекторию, вынудив меня затормозить в каком-то сантиметре от его груди.

— Если ты так долго держишь меня в этом коридоре, чтобы выпросить номер, то способ паршивый. Сдавай назад, красавчик. Я иду смывать твоё «художество».

Он тихо, хрипло рассмеялся, и этот звук странной вибрацией отдался у меня где-то под рёбрами. Его серые глаза потемнели, а вальяжная улыбка мгновенно слетела. Этот парень явно не привык, чтобы с ним разговаривали в таком тоне.

Не торопясь, он вытащил из кармана белоснежный платок, собираясь демонстративно прийти мне на помощь. Но подыгрывать его обаянию я не планировала.

Прежде чем он успел поднять руку, я бесцеремонно вырвала ткань прямо у него из пальцев. Он удивлённо замер, наблюдая, как я уверенным движением промокнула шею и ключицы, стирая липкие следы коктейля. Скомкав испорченный платок, я с силой ткнула его обратно ему в твёрдую грудь.

— Спасибо за сервис. У тебя почти получилось меня впечатлить.

Мой высокомерный тон не сработал. Напротив — я увидела, как его зрачки расширились, практически затопив серую радужку. Это был нескрываемый интерес хищника.

— Ты слишком много болтаешь.

Прежде чем я успела сделать хотя бы шаг назад, он рванул вперёд. Секунда — и мои запястья оказались намертво прижаты к стене над головой. Жёсткое тело навалилось сверху, полностью блокируя любые движения. Я открыла рот, чтобы возмутиться, но он только этого и ждал.

Его губы накрыли мои, сминая любое сопротивление. По-

целуй вышел глубоким, напористым и до одури горячим. Колени мгновенно превратились в желе, а в ушах глухо зашумела кровь, напорочь заглушая басы, долбившие из зала.

Я хотела толкнуть его, укусить, разозлиться — но дикий кураж, который вёлся во мне весь вечер, окончательно сорвал тормоза. Шумно выдохнув, я подалась навстречу, отвечая на этот безумный вызов с той же яростью, с какой секунду назад его отшивала.

Когда он наконец оторвался от моих губ, мы оба сбивчиво дышали в полумраке коридора. Он не выпустил меня, по-прежнему удерживая вплотную, и скользнул горячим дыханием по щеке к самому уху, едва заметно касаясь чувствительной кожи.

— Впечатлить, говоришь? — хрипло прошептал он, и я почувствовала, как его губы растягиваются в довольной улыбке. — А теперь как, катастрофа?

Я нервно глотнула прохладный воздух коридора, отчаянно пытаясь вернуть контроль над собственным телом. Сердце колотилось как сумасшедшее, а кожа на запястьях горела.

— Я всё ещё... не впечатлена, — выдохнула я прямо ему в губы.

Он тихо усмехнулся, и эта вибрация снова отозвалась во мне током. Его хватка на моих руках ослабла, пальцы медленно скользнули вниз по моим ладоням, но незнакомец не отступил ни на сантиметр. Его серые глаза лениво изучили мои припухшие губы с размазанной помадой.

— Лгуня, — вкрадчиво констатировал он.

Вместо того чтобы отпустить меня, он наклонился ещё ближе, почти касаясь кончиком носа моей щеки. Шлейф его парфюма с нотами цитруса окончательно вытеснил из моих лёгких остатки клубного воздуха.

— Если бы ты не была впечатлена, ты бы пнула меня, — прошептал он в ухо, заставив мелкую дрожь пробежать по моей шее. — Или как минимум сопротивлялась, но ты ответила. Причём так, будто хотела этого больше, чем я.

— Слишком много чести, — выдохнула я, зажмурившись на секунду, чтобы прийти в себя. Мои пальцы сами собой сжались на ткани его джинсов, но я тут же разжала их, заставляя себя отступить.

Парень медленно отстранился, давая мне долгожданную свободу. На его губах играла тёмная, сытая улыбка хищника, который точно знает, что наживка сработала.

— Иди, приведи платье в порядок, — он кивнул в сторону двери с подсветкой. — Я буду у бара. Даю тебе десять минут, чтобы придумать более убедительную ложь. И, кстати... я хочу узнать твоё имя.

— Моё имя — слишком дорогой приз для парня, который даже не умеет целоваться.

На секунду в коридоре повисла оглушительная тишина. Моя наглая ложь сорвалась с губ прежде, чем я успела её обдумать, но эффект превзошёл все ожидания. Незнакомец замер. Его наглая ухмылка мгновенно испарилась, а глаза опас-

но сузились. Я смогла задеть его эго за живое.

— Не умею? — тихо, с обманчивой мягкостью переспросил он.

В его голосе проскользнули такие низкие, вибрирующие ноты, что у меня по спине пробежал табун мурашек. Он сделал медленный шаг вперёд, снова перекрывая мне весь кислород. Одно дело — дразнить парня, и совсем другое — будить в нём зверя.

— Это был вызов, катастрофа? — он остановился в полшаге, нависая надо мной. В его взгляде сейчас читался такой тёмный интерес, что воздух, между нами, буквально затрещал. — Потому что, если это жалоба на качество, я готов устроить повторную демонстрацию. И поверь, в этот раз ты забудешь собственное имя.

— Обойдусь без рекламаций, — поспешно ответила я, понимая, что второго раунда моё тело просто не выдержит.

Я резко нажала на ручку двери за своей спиной и проскользнула внутрь дамской комнаты, спасаясь бегством.

— Время пошло, катастрофа! — долетел до меня его хриплый, уязвлённый, но жутко довольный голос за секунду до того, как дверь закрылась.

Оказавшись в дамской комнате, я прислонилась спиной к закрытой двери и сделала глубокий, судорожный вдох. Здесь, в относительной тишине, разбавляемой лишь шумом льющейся воды из кранов, до меня наконец дошло, что только что произошло в коридоре.

Сердце колотилось в грудную клетку как бешеное. Я подняла руку и коснулась губ — они до сих пор горели от его требовательного, сумасшедшего поцелуя. От этого парня за версту веяло опасностью и абсолютной, непробиваемой уверенностью в себе, но, видит бог, он только что заставил меня напрочь забыть о существовании Купера и всей той грязи, которую я увидела в телефоне Брэда.

Я оторвалась от двери и на не слушающихся ногах подошла к огромному зеркалу в золочёной раме. Вид у меня был тот ещё: щеки пылали лихорадочным румянцем, шёлк платья на груди потемнел от напитка, а красная помада оказалась безжалостно размазана по контуру губ. Настоящая катастрофа, как он меня и назвал.

— Так, Зои, соберись, — тихо приказала я своему отражению, включая холодную воду.

Справа от раковины, на столешнице, выстроилась ровная стопка белоснежных хлопковых полотенец. Я взяла одно из них, аккуратно промокнула лицо и принялась безжалостно стирать с губ остатки испорченной помады. Плотная ткань мгновенно впитала красный пигмент, но, когда я отняла полотенце от лица, губы всё равно выглядели излишне яркими и припухшими, выдавая меня с головой.

Бросив испачканную ткань в специальную корзину под раковиной, я взяла второе сухое полотенце. Слегка смочив его край холодной водой, я принялась аккуратно затирать липкое пятно на декольте. К счастью, дорогой шёлк послушно

поддался — влажный след должен был высохнуть минут за пять.

Я взглянула на наручные часы. Прошло ровно семь минут, а внутри развернулась настоящая война. Разум кричал, что нужно вызвать такси и сбежать из клуба через чёрный ход — этот серый взгляд не сулил ничего хорошего. Но дикий кураж, который он так умело во мне растормошил, требовал вернуться. Незнакомец ждёт у бара. Он абсолютно уверен, что я либо сбегу, испугавшись, либо приду покорной жертвой его обаяния.

Я поправила бретельку платья, расправила плечи и упрямо вскинула подбородок.

— Ну уж нет, красавчик. Рано празднуешь победу.

Я решительно толкнула тяжёлую дверь дамской комнаты и шагнула обратно в полумрак коридора, готовая ко второму раунду.

Коридор казался теперь длиннее, а музыка из зала — громче и агрессивнее. Я шла быстро, мягко чеканя шаг в своих кедах, и издалека заметила его у бара. Незнакомец вальяжно опирался локтем на полированный чёрный оникс, удерживая в руке стакан с янтарным наливом. Заметив меня, он не двинулся с места — лишь медленно поднял взгляд. Свободной рукой он демонстративно постучал длинным пальцем по циферблату своих массивных часов, безмолвно намекая: *время поджидает*.

Внутри всё подпрыгнуло от этого взгляда, но стоило мне

сделать ещё несколько шагов к бару, как я посмотрела чуть дальше, вглубь зала.

Прямо за барной зоной, всего в десятке метров от нас, отлично просматривался наш столик. Там сидела Джинни, о чём-то весело переговариваясь с остальными, и вся наша компания. Они пили, смеялись, и в любой момент кто-то из них мог просто повернуть голову и увидеть меня здесь.

В этот момент меня будто ледяной водой окатило. Дикий кураж, державший меня в коридоре, мгновенно спал. Что я вообще делаю? Стою посреди клуба и открыто флиртую с незнакомцем, который только что бесцеремонно зажал меня у стены? Это было абсолютно не в моих правилах, не в моих приличиях. Я не из тех девушек, что прыгают из одних объятий в другие ради мести или мимолётного порыва. И уж точно я не собиралась устраивать это шоу на глазах у друзей своего парня — точнее, уже бывшего. Моё собственное достоинство было мне дороже.

На ходу я резко изменила траекторию. Вместо того чтобы повернуть к бару, я пошла прямо мимо него, сохраняя на лице маску абсолютного, ледяного равнодушия. Ухмылка парня заметно дрогнула, когда он понял, что я не планирую останавливаться.

Поравнявшись с ним, я даже не повернула головы. Лишь на секунду замедлила шаг и едва слышно, но жутко ядовито процедила возле него:

— Слишком много уверенности для парня, который толь-

ко что остался ни с чем. Отличного вечера.

Не дожидаясь ответа и не давая ему шанса схватить мою руку, я сделала широкий шаг в сторону и направилась к нашему столику. Спиной я отчётливо чувствовала, как его ошарашенный взгляд буквально выжигает мне лопатки. Его это только что получило сокрушительный удар, но я ни разу не обернулась. Всё, что случилось в коридоре, должно там и остаться.

— Зои! Ну наконец-то! — Джинни заметила меня первой и приветливо замахала рукой, сдвигая в сторону свой бокал. — Мы тебя уже потеряли. О боже, что с твоим платьем?

Вся компания тут же обернулась ко мне. Несколько пар глаз, включая близких друзей Купера, уставились на тёмное влажное пятно на платье.

— Какой-то идиот не умеет держать бокал, — максимально буднично отозвалась я, изящно скользнув на свободное место на диване рядом с Джинни. — Столкнулись в коридоре и весь его коктейль оказался у меня на платье.

— Вот же придурок, — возмутился Logan, лучший друг Купера. — Найти его?

— Не стоит, он не достоин внимания, — отрезала я, беря со стола чистый стакан с водой и делая глоток, чтобы окончательно успокоить пульс.

Я заставила себя включиться в общую беседу, улыбаться шуткам Джинни и делать вид, что этот вечер идёт своим чередом, но внутри всё ещё тлели угольки. Пытаясь казаться

расслабленной, я всё же не выдержала и через пару минут мельком, как бы случайно, бросила взгляд в сторону барной стойки.

Незнакомца там уже не было. Лишь на поверхности чёрного оникса одиноко стоял нетронутый стакан с янтарной жидкостью, а на душе у меня почему-то остался странный, горьковато-сладкий привкус незавершённой игры.

Час тянулся за часом, превращаясь в изощрённую пытку. Мне невыносимо хотелось сорваться с места и уйти, но я держалась из-за Джинни, не желая бросать её одну среди этих напыщенных придурков. Наша компания к этому моменту успела перемыть косточки, кажется, каждому второму посетителю в клубе. Я уже давно привыкла, что эти люди считают себя сортом выше остальных, поэтому просто молчала и создавала видимость своего присутствия, делая редкие, мелкие глотки из бокала, надеясь, что коктейль поможет заглушить нарастающий гул в голове.

— ...Да ладно тебе, Куп сейчас, небось, на встрече спину гнёт, пока мы тут развлекаемся, — хохотнул Логан, лениво помешивая лёд в своём стакане.

— Ага, «инвесторов», — подмигнул ему другой приятель Купера, двусмысленно ухмыляясь. — Знаем мы его «деловые переговоры». Куп умеет совмещать приятное с полезным. Наверняка там сейчас такое «вливание капитала» идёт в какую-нибудь топ-модель, что парню не до звонков. Главное, чтобы контракт боком не вылез, а то Зои у нас девочка

строгая.

Вся компания разразилась пьяным смехом. Для них это была обычная, плоская шуточка, но меня она дико задела за живое. В мыслях с новой, сокрушительной силой вспыхнуло то проклятое фото из телефона. До этого момента я отчаянно цеплялась за крошечную надежду, глупо убеждая себя: «Это ошибка. Я ведь знаю Купа. Он не такой. Он любит меня. Я люблю его». Но сейчас, глядя на ухмыляющиеся лица его лучших друзей, я начала дико, до паники накручивать себя. Они ведь знают его гораздо дольше и лучше. Что, если для него это норма? Что, если прямо сейчас, пока я сижу здесь и пытаюсь сохранить лицо, он действительно касается другой, зная, что друзья прикроют его любой байкой про бизнес?

Обида, подкреплённая алкоголем, затопила сознание с такой силой, что дышать стало нечем. Разум просто плавился от унижения. Чтобы не разрыдаться прямо при всех, я импульсивно подозвала официанта и заказала текилу. Один шот, второй... Обжигающая жидкость обрушилась в желудок, даря обманчивую, злую смелость.

— Зои, эй, притормози, — Джинни испуганно схватила меня за плечо. — Ты чего? Что случилось?

— Всё просто отлично, Джин! — неестественно громко рассмеялась я, вызываяще вскидывая подбородок. — Вечер ведь только начинается!

Я откинулась на спинку дивана, и в этот момент мой

взгляд пересёкся с парой серых глаз. Он больше не стоял у бара — он переместился за соседний столик, вальяжно закинув ногу на ногу. Он не пил и, кажется, лишь вполуха слушал разговор своего приятеля. Он наблюдал за мной так пристально, будто видел меня насквозь и читал весь тот надрывный бред, что творился у меня в голове.

И тут Логан пьяно вскрикнул, глядя в свой экран: — О, пацаны, гляньте! Наш занятой соизволил выйти на связь! Куп прямую трансляцию в инсте запустил!

Парни тут же зашевелились, утыкаясь в телефоны. Я замерла не понимая, стоит ли вообще смотреть это и разочаровываться в нём ещё сильнее, потому что я чувствую, ничего хорошего на экране нет.

— Ни хрена себе у них там вечеринка инвесторов, — приставил один из друзей, врубая звук погромче.

Из динамика на весь наш стол донёсся громкий женский смех, басы чужой музыки и звон бокалов. Я на всё-таки вытащила свой телефон, заходя в приложение, и экран тут же ослепил меня яркой картинкой.

Прямую трансляцию вела какая-то эффектная брюнетка с огромными губами и пышной грудью, едва ли не вываливающейся из экстремально маленького лифа купальника. Она вызывающе крутилась перед фронтальной камерой, хвастаясь шикарными видами ночного побережья и посылая воздушные поцелуи, а позади неё покачивалась на волнах залитая неоновым светом палуба яхты. Но ещё больше моё вни-

мание приковал задний план. Там, в полумраке, разгорячённый алкоголем Купер весело танцевал в обнимку уже с совершенно другой девицей в крошечном бикини. Его руки уверенно лежали на её талии, а на лице блуждала пьяная, самоуверенная улыбка, которую я так хорошо знала.

Мы с Купером всегда любили подразнить друг друга, поиграть на чувствах, проверить границы дозволенного — это было частью нашей личной, понятной только нам двоим игры. Но не так. Не до такой степени. Это не было лёгким флиртом, глупым спором или невинной провокацией. Это было публичным, безжалостным унижением, выставленным на всеобщее обозрение. На глазах у его лучших друзей, на глазах у Джинни, на глазах у всего нашего мира.

Вокруг стола мгновенно повисла оглушительная, мёртвая тишина. Ребята резко выключили звук и испуганно пряча глаза, уставились в свои бокалы. Джинни в ужасе замерла, не зная, что сказать, и только жалостно смотрела на меня.

Моя иллюзия о том, что я «знаю Купа», рассыпалась в прах. Игра зашла слишком далеко, и возвращаться мне было больше не к кому.

Глупая обида моментально сгорела, уступая место бешеной, ледяной ярости и я резко поднялась на ноги. Земля на секунду ушла из-под подошвы моих кед из-за выпитой текилы, но я быстро выпрямила спину. Джинни что-то испуганно крикнула мне вслед, пытаясь поймать за край платья, но я легко увернулась.

Подхватив свою сумочку, я сделала несколько быстрых, решительных шагов прочь от этого стола. С меня хватит.

Я почти дошла до коридора, когда спиной почувствовала чужое стремительное приближение. Шаг, ещё один — и чья-то сильная, горячая ладонь властно взяла меня за локоть, заставляя затормозить. Я резко обернулась и столкнулась носом к носу с незнакомцем.

Он возвышался надо мной, полностью подавляя своей статью и уверенностью, из-за чего я мгновенно почувствовала себя крошечной. Парень чуть наклонился ко мне, сокращая расстояние до какого-то nepозволительного минимума. Окутав меня шлейфом своего дорогого парфюма, он негромко, но чертовски уверенно произнёс прямо мне в губы:

— Решила от меня сбежать?

— А ты всё ещё хочешь меня впечатлить? — вызовом на вызов ответила я, отказываясь отступить.

— Только если ты наконец назовёшь мне своё имя.

— Зои, — выдохнула я, чувствуя, как адреналин окончательно перекрывает страх.

— Джейсон, — представился он в ответ, на секунду задержав потемневший взгляд на моих губах, а затем мягко, но властно потянул меня за собой к выходу.

Глава 3

«Горькое послевкусие»

Горячая вода безжалостно била по плечам, но мне казалось, что этого мало. Я выкрутила кран почти до предела, пуская по коже обжигающий, едва терпимый кипяток, и с силой провела жесткой мочалкой по шее, ключицам, груди. Кожа уже пылала и покрылась пунцовыми пятнами, но я упорно продолжала тереть.

Я отчаянно пыталась смыть, вытравить из себя этот запах. Тяжелый шлейф мужского парфюма, который еще несколько часов назад казался мне самым пьянящим ароматом на свете, теперь душил.

И самое паршивое — я еле вспомнила его имя.

Я закрыла глаза, позволяя воде заливать лицо, и горько, почти истерически усмехнулась. Ситуация — чистая комедия. Образцовая мисс Уэллс, гордость Лейквуда, девочка из приличной семьи с расписанием на десять лет вперед будущим, просыпается в чужой постели после случайной вечеринки. Это могло бы быть чертовски смешно. Если бы прямо сейчас мне не было так гадко от самой себя.

Я опустила голову, упираясь ладонями в скользкий, запотевший кафель, и заставила себя мысленно вернуться назад. В ту точку, откуда началось мое падение...

Девять часов назад.

На улице Джейсон тут же выудил из кармана телефон и принялся что-то быстро вбивать в экран. На его лице мелькнуло замешательство — он видимо не верил, что я действительно дойду с ним до дверей.

— И чего мы ждем? — перебила я его, не дав ему даже раскрыть рта.

Голос прозвучал на удивление твердо, хотя внутри всё ходило ходуном, а сердце испуганно вжималось в ребра. Я никогда — вообще никогда — не сбегала с первыми встречаемыми. Но почему-то сейчас, глядя на него, я была уверена: он не причинит мне вреда. Какая-то дикая, чистая интуиция теплилась во мне.

Он оторвался от экрана. На секунду в его лице мелькнуло искреннее удивление — но тут же уступило место наглому интересу: уголок губ дёрнулся вверх, в глазах заплясали насмешливые искры. Реакция на мое нетерпение ему определенно нравилась.

— Быстрая какая, — он шагнул ко мне вплотную, стирая любые границы, между нами, и опустил потемневший взгляд к вырезу моего платья. — Раз уж ты так сильно хочешь впечатлиться, придется немного подождать.

Черный затонированный минивэн вынырнул из темноты как раз вовремя, избавив нас от затянувшейся паузы. Джейсон отступил на шаг, дернул ручку пассажирской двери и картинно повел рукой, приглашая внутрь. На губах снова эта его невыносимая, всезнающая усмешка — парень откровен-

но упивался моментом.

Я не стала ломаться. Скользнула в открытый салон, отчаянно пытаюсь удержать на месте подол этого чертова платья. Только не хватало, чтобы половина Риверсайда прямо сейчас заценила мою голую задницу.

Джейсон скользнул следом, и глухой щелчок заблокировавшихся дверей отрезал любые пути назад. Я сидела, до предела вжавшись в кожаное кресло, чувствуя, как шлейф его парфюма заполняет легкие. Паника запоздало накрыла с головой: что я, черт возьми, творю?

Парень закинул руку на подлокотник, между нами, почти задевая мое плечо, и пристально посмотрел на меня, а потом тихо хмыкнул.

— Смелая девочка. Или очень глупая. Даже не спросишь, куда мы едем? Не думала, что я могу оказаться маньяком или убийцей?

Я медленно повернула голову, заставляя себя выдержать его тяжелый, пронзительный взгляд. Паника внутри продолжала бить по нервам, но я нацепила маску полного хладнокровия.

— Маньяки не ловят жертв прямо под камерами клуба, Джейсон, — я чеканила каждое слово, глядя ему прямо в глаза. — Они не заказывают премиальное такси и уж точно наводят справки перед тем, как выбрать цель. На твоём месте я бы подумала дважды. Моя семья в этом городе имеет слишком большой вес. Если со мной что-то случится, отец

из-под земли тебя достанет и собственноручно выбьет мозги. И если ты еще не понял — я не из трусливых.

Моя тирада повисла в тишине салона. Джейсон ненадолго замолчал и просто созерцал меня в дорожных сумерках машины — без тени прежней наглости, словно взвешивал, сколько в моих словах правды, а сколько — обычного блефа.

— Острая на язык, влиятельная и совершенно бесстрашная, — повторил он, будто пробуя эти слова на вкус. — Твой ответ принимается, Зои. А твоего папочку, я так и быть, побоюсь как-нибудь на досуге.

Я собиралась выдать новую порцию яда, но Джейсон неожиданно опустил ладонь на моё бедро резким, фиксирующим жестом, мгновенно обрывая лихорадочную дрожь, которую я сама до этого момента не замечала.

— И больше не делай так, когда уверяешь, что тебе не страшно, — он наклонился почти вплотную, перехватывая мое дыхание. — Слишком сильно палишься.

В горле моментально пересохло, а воздух в машине будто разом кончился. Его рука медленно беззастенчиво поползла вверх, поднимая и без того короткий подол платья. Сантиметр за сантиметром его разгорячённые пальцы поднимались всё выше и выше, вызывая сумасшедший внутренний спазм. Стоило его пальцам коснуться тонкого кружева белья, он замер. Движение прекратилось, но горячая ладонь осталась на месте, превращая эту паузу в изощренную пытку.

— Ты всё еще можешь назвать свой адрес, Зои, — выдох-

нул он мне в шею, и от этого низкого звука по телу пошла крупная дрожь. — У тебя секунд десять, пока водитель не свернул в другую сторону. Выбирай.

— Из нас двоих именно ты сомневаешься и пытаешься меня высадить, — тихо, но отчетливо произнесла я. — Сам-то не испугался?

Его пальцы на моем бедре на мгновение сжались жестче — едва заметный, но очень красноречивый жест. Насмешливая мимика окончательно исчезла с его лица.

— Сама напросилась, катастрофа.

Джейсон принял вызов и преодолев последнюю кружевную преграду, коснулся пальцами самой чувствительной точки. Из-за долгого и тягучего ожидания, из моей груди вырвался тихий, сдавленный стон. Я до боли зажмурилась, окончательно теряя контроль. Возможно, завтра утром я наверняка прокляну себя, буду ненавидеть и жалеть до тошноты, но прямо сейчас эта дикая, удушающая тяга к нему выжигала остатки здравого смысла. И именно в этот момент, когда мир вокруг окончательно перестал существовать, Джейсон резко вытащил руку из-под платья и отстранился.

Холодный воздух из кондиционера мгновенно остудил горящую кожу. Я распахнула глаза, прерывисто и часто дыша. Внутри всё буквально вопило от разочарования и непонимания, я уже открыла рот, чтобы спросить, какого черта он творит, но не успела вымолвить ни слова.

Джейсон потянулся к панели на подлокотнике и нажал кнопку. С едва слышным жужжанием вверх поползла перегородка, закрывая нас от любопытных глаз водителя.

— Не хочу, чтобы у нас были лишние свидетели, — тихо произнес он, окинув взглядом мое растрепанное платье и заалевшие щеки. — Или тебе нравится, когда за тобой наблюдают?

— Я, по-твоему, похожа на извращенку?

Джейсон хрипло усмехнулся и подался вперед. Его пальцы, властно обхватили мой подбородок, заставив посмотреть ему прямо в глаза.

— Понятия не имею, Зои, — его большой палец медленно, с нажимом очертил контур моей нижней губы. — Но ты так настойчиво напрашивалась на неприятности, что мне чертовски интересно узнать твой предел.

Последний слова он говорил уже почти касаясь моих губ и не дав мне сделать вдох, он впился в мои губы с какой-то яростной, долго сдерживаемой жаждой, полностью лишая меня воли к сопротивлению. Он навис сверху, практически вжимая меня в кожу автомобильного кресла, блокируя любые пути к отступлению.

Его ладонь сорвалась с моего подбородка и порывисто скользнула вниз, оставляя на теле шлейф обжигающего жара. Оторвавшись от моих губ лишь на секунду, Джейсон одним уверенным движением потянул ткань платья вверх, безжалостно сминая его до самого пупка. Внутри всё скрути-

лось в тугой узел и я чувствовала себя абсолютно пойманной, но этот безумный напор был самым желанным из всего, что я когда-либо испытывала. Никакого страха, ни единого желания сопротивляться — я лишь до безумия наслаждалась каждой секундой своего падения.

Джейсон приподнялся над сиденьем, разрывая поцелуй, и окинул меня долгим, изучающим взглядом. Он всматривался в мое лицо, словно пытался разгадать скрытый подвох.

— Надеюсь, у тебя уже был опыт? — спросил он, откровенно забавляясь моей неподвижностью. — Или мне придется всему тебя учить?

Мои щеки вспыхнули от возмущения. Да, я оцепенела. Да, я не знаю, как ведут себя на заднем сиденье автомобиля, и да, ситуация, где я целуюсь с парнем, которого в общей сложности знаю десять минут, была для меня дикостью. Но его намеки на мою неопытность сработали как красная тряпка. Купер никогда не считал меня скромницей, скорее наоборот — жаловался на мою излишнюю инициативность.

Вся моя растерянность мгновенно испарилась, сгорев в огне уязвленной гордости. Я свободно и расслабленно откинулась на кожаную спинку, скрестив руки на груди, и смирила его ледяным взглядом.

— Надеюсь, ты уже придумываешь, как будешь извиняться за то, что только что назвал меня бревном.

Но мой вызов вызвал у него лишь снисходительную улыбку. Джейсон, медленно потянулся вперед и коснулся пальцем

моей ключицы, медленно очерчивая линию вниз, к декольте.

— Извиняться? — Его ладонь скользнула ниже, собственнически накрывая мой обнаженный живот, отчего мышцы пресса инстинктивно сжались, и я затаила дыхание. — Я лишь хочу понять, зачем этот спектакль? Сначала изображаешь бунтарку, а стоит мне тебя коснуться — и ты уже таешь.

Моя гордость окончательно рассыпалась в прах, когда Джейсон осторожно, но ощутимо потянул зубами мою мочку уха, пуская по позвоночнику лавину электрических разрядов. Я задохнулась, теряя связь с реальностью, а его ладони тем временем переместились на мои запястья.

Джейсон силой убрал мои руки от груди. Не разжимая пальцев, он завел мою ладонь под его футболку. Он намеренно вел руку по своему горячему, напряженному прессу, заставляя кожу к коже прочувствовать каждый мускул, каждую линию его тела,

— Не бойся меня.

С этими словами он увлек мою руку ниже — по дорожке волос, пересекая ремень, прямо к ширинке. Мои пальцы наткнулись на его жесткое возбуждение сквозь плотную ткань джинсов. Я непроизвольно сжала ладонь, заставив Джейсона издать короткий, сдавленный выдох.

Моя неожиданная смелость окончательно сорвала у него тормоза. Джейсон резко схватил мою руку, прекращая эту сладкую пытку, потому что его собственное терпение, кажется, подошло к концу. Его глаза в полумраке казались абсо-

лютно черными.

Не разжимая пальцев на моем запястье, он одним быстрым движением отпрянул и пересел обратно на свое сиденье. Я не успела даже осознать происходящее, как его горячие ладони властно обхватили меня за талию. Джейсон легко, словно я вообще ничего не весила, перетянул меня через подлокотник и усадил спиной к себе на колени.

Я сидела на его бедрах, и сквозь его плотные джинсы всем телом ощутила, как твердо и требовательно его возбуждение упирается мне в ягодицы. Эта близость обострила мои чувства до предела.

Джейсон запустил пальцы в мои волосы, резко оттянув их назад, чтобы полностью открыть шею для его поцелуев.

— Скажи, что ты на таблетках. Или что у тебя есть защита. Я сегодня не рассчитывал на такой финал.

— Я...нет. У меня ничего нет. — Прошептала я, едва соображая.

— Черт.

Я ждала, что он отодвинет меня, отстранится, закончит эту безумную ночь, не успев начать, но он не двигался и тяжело дышал, покрывая обжигающими поцелуями пульсирующую венку на моей шее.

— Ты ведь так хотела проверить, на что я способен, — прорычал он, когда я дёрнулась, пытаюсь повернуться к нему. Его пальцы сжали мой затылок, удерживая на месте, а вторая ладонь уже скользнула под лиф платья — без преду-

преждения, сжала сосок, и я замерла, не в силах выдохнуть.
— Только дыши, Зои.

Когда его рука нырнула в трусики, накрывая обжигающую, влажную кожу, внутри всё перевернулось от дикой смеси стыда и безумного вожделения. Теряя терпение, я невольно качнула бедрами, ерзая прямо на его паху. Джейсон шумно вздохнул и жестко, намертво вжал меня в себя.

— Перестань так ерзать, если не хочешь, чтобы я кончил тебе в рот.

— Тогда быстрее сделай что-нибудь, — выдавила я, сама не веря, что говорю это.

Его пальцы двигались мастерски, не оставляя мне шансов. Еще несколько точных, быстрых движений — и волна оргазма накрыла меня с головой. Я выгнулась, вскрикнув, кончая прямо на его пальцы, чувствуя, как они продолжают двигаться, продлевая удовольствие, пока я дрожу и таю в его руках.

— Надо было всего лишь попросить, катастрофа, — тихо прошептал он, наслаждаясь моей полной капитуляцией.

Джейсон нащупал пачку салфеток в боковом кармане двери. Несколько уверенных движений — он вытер меня, затем свои пальцы. Откинув голову на подголовник, он смерил меня долгим, изучающим взглядом.

— Как давно у тебя не было секса?

— Это не твое дело.

Нахлынувшее смущение мгновенно переросло в злость. Ловя равновесие в движущейся машине, я раздраженно вста-

ла с его колен и пересела в соседнее кресло, яростно одергивая платье. Джейсон закинул ногу на ногу, наблюдая за моими резкими движениями с явным превосходством.

— Посмотрите на нее. Хотя бы пять минут могла бы быть со мной поласковее после всего, что я сделал.

— Подрочить я могла бы и дома, — отрезала я, демонстративно отвернувшись к тонированному окну.

— Ты можешь продолжать язвить сколько угодно, но это не отрицает того факта, что твой парень, видимо, гей, раз довел тебя до такого голода.

Я резко повернулась к нему, чувствуя, как щеки полыхнули от гнева.

— Он не гей! Он просто умеет контролировать свои инстинкты и не лезет мне в трусы при первой же возможности!

— Мужчина, который по-настоящему хочет женщину, не думает о контроле. Он просто берет ее так же, как я сейчас взял тебя.

Я стиснула зубы так, что закрипели челюсти. Аргументировать было нечем, потому что глубоко внутри я знала: этот мерзавец чертовски прав. Мне оставалось только снова отвернуться к окну, молясь, чтобы машина ехала быстрее.

Короткая поездка подошла к концу быстрее, чем я успела придумать план побега. Минивэн остановился, и я сразу же потянула на себя ручку двери.

— Я выхожу одна. С тобой я никуда не пойду, ясно? — бросила я через плечо.

— Плохой план, катастрофа, — раздался за спиной его голос.

Не успела я ступить на асфальт, как Джейсон подхватил меня на руки. От возмущения у меня перехватило дыхание. Я принялась колотить его по груди, надеясь, что ему хоть немного больно, но он лишь осторожно захватил мои запястья одной рукой, прижимая их к моей же груди.

— Отпусти меня! Пусти, придурок!

Джейсон даже не поморщился — его хватка была железной. Женщина за роскошной стойкой ресепшена посмотрела на нас как на сумасшедших, но Джейсону было абсолютно плевать на приличия этого комплекса. Он только прибавил ходу, целеустремленно двигаясь к лифтам, продолжая нести меня, как драгоценную добычу.

— Перестань махать кулаками. Ты снова пытаешься скрыть свои истинные желания, но твое тело уже всё сказало за тебя, — хрипло выдохнул он мне прямо в губы. — К тому же, ты ведь не думала, что я отпущу тебя просто так? За тобой должок. И мы поднимемся в квартиру, чтобы ты его вернула.

И я вернула. До самой последней капли.

Как только дверь закрылась, я оказалась прижата спиной к стене прихожей. Хватило одного прикосновения его пальцев, чтобы вся моя защита рухнула, а мнимая злость сгорела без следа. Теряя остатки разума, я крепко обхватила его ногами и Джейсон в два счета избавился от моего узкого пла-

тъя, даже не прерывая нашего удушающего, пьянящего поцелуя, пока нес меня вглубь квартиры.

Это была дикая страсть — безжалостная и обоюдная. Джейсон брал свое с таким неистовством, словно голодал несколько лет, заставляя меня содрогаться от каждого глубокого толчка. Запрокинув голову, я ловила губами воздух и понимала: после этой безумной ночи я наутро точно сорву голос от собственных криков, а колени просто откажутся держать меня еще целую неделю.

За всю безумную ночь я ни разу не вспомнила о Купере. И когда наступило утро, мысли о нем тоже не посетили мою голову — всё мое внимание занял сумасшедше красивый мужчина, спавший рядом. Я разглядывала его великолепное тело, безмятежно раскинувшееся на шелковых простынях, и внутри всё еще эхом отзывалась ночная дрожь. Но стоило мне пошевелиться, как мой желудок издал требовательный, оглушительный урчащий звук. Я дико, просто невероятно хотела есть. Последний раз я перекусывала вчера в обед, и вся моя еда состояла из пары жалких кусочков сэндвича.

Обернувшись в одеяло, стараясь не разбудить этого хищника, я на цыпочках прокралась на кухню в поисках еды. Внутри огромного холодильника было практически пусто, если не считать одиноких овощей в самом низу. Зато прямо по центру красовался безумно манящий шоколадный торт. После нашей изнурительной, крышесносной ночи он пока-

зался мне даром богов, призванным вернуть меня к жизни. Не тратя времени на поиски посуды, я как дикарка вцепилась пальцами прямо в мягкий бисквит. И только когда Джейсон протянул мне разрывающийся телефон, я окончательно осознала, что натворила. Сладкий кусок торта встал поперек горла. Внутренности мгновенно сковал леденящий ужас, а к горлу подступила тошнота. Что, если я всё извратила? Что, если я настолько себя накрутила, что увидела то, чего на самом деле не было? Вдруг всё это было лишь глупой игрой, попыткой специально вывести меня из себя и спровоцировать на эмоции, которых ему так не хватало? А наши друзья просто помогли мне еще сильнее запутаться...

Какая же я идиотка. Боже, какая глупая, жалкая дура...

Я ведь должна была просто поговорить с ним. Выслушать, кричать, швырять посуду — что угодно, но заставить его объясниться и окончательно расставить все точки над «i». Вместо этого я, как обиженный ребенок, предпочла самый грязный способ мести — прыгнула в постель к первому встречному. К чужому мужчине, чьё имя не могла вспомнить всё утро. И теперь, когда я наконец его вспомнила, мне снова хочется его забыть.

Но теперь уже слишком поздно плакать над тем, что я могла бы изменить. Время вспять не повернуть, и эта ночь навсегда останется моим клеймом. Сейчас нужно думать о том, что делать дальше. Как выйти из ванной, посмотреть в зеркало и, самое страшное, как найти в себе силы сказать Купе-

ру, что я его предала?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.